

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО

Стремление понять чужую культуру и поведение её представителей, разобраться в причинах различий и сходств существует столько же, сколько существует культурное и этническое разнообразие человечества. С конца XX века наблюдается углубление противоположных тенденций: с одной стороны, наметившиеся в связи с созданием единого информационного поля процессы интеграции, глобализации, унификации, с другой – обостряющаяся культурная дифференциация и автономизация, защита народами собственной национальной идентичности, вплоть до проявления крайнего национализма. В этом новом историческом контексте оппозиция «своего» и «чужого», воплощённая в соответствующем концепте, выходит на первый план. Информационную культуру общества, помимо СМИ, формируют литературно-художественные тексты, поэтому изучение в них языковых средств выражения оппозиции «свой – чужой» представляется нам актуальным.

Многоуровневость и сложность оппозиции «свой – чужой», являющейся дискуссионной для целого ряда гуманитарных наук (филологии, культурологии, философии, социологии, психологии и др.), обуславливают разнообразие аспектов её исследования в научной литературе. Так, Ю.М. Лотман, рассматривая пространство как основной элемент структуры художественного текста, отмечает универсальное значение категории топоса для возникновения культуры: «*Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («своё») пространство и внешнее («их»)*. Как это бинарное разбиение интерпретируется – зависит от типологии культуры. Однако само такое разбиение принадлежит к универсалиям. <...> Это пространство определяется как «наше», «своё», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» и т.д. Ему противостоит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое»» [3, с. 257]. М.М. Бахтин объединяет время и пространство в формально-содержательную категорию «хронотоп», в которой доминирующее положение отводится «втягивающему» в себя пространство времени. Учёный осуществляет философскую рефлексию оппозиции «Я – Другой» и формулирует триаду «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня», делая вывод о том, что Я нуждается в Другом, потому что только в непрерывном диалоге с ним может целостно познать себя; именно Другой позволяет выделить пределы своего Я [см. 1].

Проанализировав многие поэтические тексты современных русскоязычных авторов Беларуси, мы пришли к выводу о том, что идентификация «своих» или «чужих» определяется в большинстве случаев наличием или отсутствием связи с некоторой общностью людей. Чаще всего это кровное, семейное родство или люди, к которым имеется или имела

эмоциональная привязанность, действия которых положительно или отрицательно оцениваются. Однако референтами членов оппозиции могут выступать также ментальные сущности, представители животного и растительного мира.

Цель данной статьи – выявить лексические средства репрезентации оппозиции «свой – чужой» в художественной картине мира Вениамина Блаженного (1921 – 1999), отдельные произведения которого входят в учебную программу по русской литературе для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания (XI класс). В качестве материала для исследования нами выбран сборник «Исповедь: русскоязычная поэзия Беларуси (конец 20 – начало 21 века)» [2] вследствие того, что он издан для старшеклассников в серии «Школьная библиотека» по заказу и при финансовой поддержке Министерства информации Республики Беларусь (т.е. предполагается, что тексты, размещённые в нём, должны выполнять не только эстетическую, но и воспитательную функцию). Сборник, состоящий из произведений пятнадцати авторов, открывают стихотворения поэта, имя которого в поэтической среде стало широко известным после 90-х гг. XX века.

Лирика Вениамина Блаженного (настоящая фамилия Айзенштадт) может привлечь вдумчивого читателя глубокой философской наполненностью, поиском истины в диалоге с сущностями высшего порядка, пристальным вниманием и деятельным состраданием к любому живому существу: от букашки до человека.

«Своё», замкнутое пространство представляют в текстах В. Блаженного, в первую очередь, кровные родственники лирического субъекта, ушедшие в мир иной: *отец мой – Михл Айзенштадт (Мишка, Михеле дер нар)*, имевший *во всех делах одну примету – Совесть* [2, с. 3]; *мать*, встававшая *из гроба на часок* для того, чтобы сыну залатать рубаху [2, с. 4]; *незаметный мой предок ... с отрешённой робкой улыбкой ... со скрипкой* [2, с. 7]. Притяжательное местоимение «мой», личное местоимение «мы» делают и Бога принадлежащим к сфере личного пространства: *мой Господь, обещавший весь мир доброте (Бог, Иисус)* [2, с. 5]; *Но из мёртвых воскрес – и опять во вселенной мы вместе...* [2, с. 5]. Но Бог одновременно и «чужой» (или «Другой»), постепенно становящийся «своим» в процессе беседы, не сразу раскрывающийся познающему его: *Помню, как на рассвете, на въезде в Иерусалим, / Я беседовал долго со странствующим иудеем, / А потом оказалось – беседовал с Богом самим* [2, с. 5]. Границы между миром живых и мёртвых умеет преодолевать собака: *И если хозяин собаку окликнет, / Она обнаружит его за горами – / и даже в загробные двери проникнет* [2, с. 5]. К «своим» также относятся другие божьи твари: и малый мышонок, и жалкая букашка, и мошка, и блошка, и тля [2, с. 8–9].

«Чужое», опасное пространство воплощают собой недоступные, обесценивающие смехом и резкими высказываниями влюблённость лирического героя женщины, над которыми не властно время, что не может не обескураживать: *И странно: столько лет и столько зим – / события,*

перемены, годы, лица, – / А девочка мерещится вблизи, / А девочка хохочет и резвится... <...> И сквозь неё проходят облака, / Проходят дни, и годы, и века... [2, с. 7]. Странность и необычность выступают здесь приметам «чужого». Станным представляется даже то, что *телесная жгучая тайна*, которую герой *полстолетия искал*, может внезапно оказаться рядом: *Этот странный любовный недуг, / Когда женщина, вовсе чужая, / Самой близкою кажется вдруг – / И лицо полыхает от жара... [2, с. 9].* Женщины обладают способностью оставаться молодыми и олицетворяют своей привлекательной физической оболочкой мельчайшую частицу застывшего времени, *миг во плоти [2, с. 9].* Мужчина-философ, *нищеврод, слепец, старик*, отрёкшийся от суеты, *стал вместилищем вселенной [2, с. 9];* его *стезя ... мучит Христова [2, с. 8],* он не только *беседовал с Богом самим*, но и старел вместе с ним [2, с. 5]. Размышляющий над вечными вопросами мужчина является символом *вечного неба [2, с. 11],* космического пространства, украшенного *сонмами дальних звёзд [2, с. 10].* Лирический герой может становиться двуликим и разнонаправленным: *Одним своим лицом я повернусь на север, / Другим своим лицом я повернусь на юг <...> И я увижу лик неведомого Бога / Сквозь сотни тысяч лиц – своих или чужих... [2, с. 10].* Эпитет *неведомый* вроде бы отстраняет Бога от субъекта высказывания, делает чуждым, но противопоставление единственного и множественного числа в книжном *лик* и нейтральном *лиц* снимается глагольной формой *увижу*. Бог един и проявлен во всём в природе: *Боже, когда уж не мошкой, – блошкой, тлёю / Божьего мира хочу я чуть слышно касаться, / Чтоб никогда не расстаться с родимой землёю, / С домом, зелёным моим никогда не расстаться... [2, с. 9].* Именно понимание и принятие этой пространственно-количественной метаморфозы – конечная точка пути странника, ищущего ответы на сложные вопросы.

Тема самопознания, преодоления страха смерти, утверждения правоты жизни в любой из её изменчивых форм переносится автором в плоскость внутреннего мира, где важны духовные, а не бытовые координаты хронотопа. В стихотворении «Я поверю, что мёртвых хоронят, хоть это нелепо...» поэт утверждает примат эсхатологического времени над физиологическим: *Разве можно поверить, что небо хоронят в земле?.. <...> И не верится мне, что я только на гибель рождён!.. <...> ...Я раскрою глаза из могильного тёмного склепа, / Ах, как дорог ей свет, как по небу душа извелась, – / И струится в глаза мои мёртвые вечное небо, / И блуждает на небе огонь моих плачущих глаз [2, с. 11].* «Чужой» воспринимается как место встречи, как тот, кого хочется лучше узнать и понять, так как он необходим для понимания себя.

В.Г. Фильде определила, что «...идентификация «своего» в мифологическом типе оппозиции происходит через связь с общиной; в религиозном – через связь с Абсолютом; в тоталитарно-религиозном – через принадлежность религиозной или политической группе; философский тип оппозиции выявляет процесс самоидентификации Я через осознание наличия и отличия Другого» [4, с. 49]. На наш взгляд, по критериям,

предложенным в её кандидатской диссертации, тип восприятия оппозиции «свой – чужой» субъектом высказывания в поэтических текстах В. Блаженного можно условно назвать мифологически-философским (с преобладанием второго компонента).

Таким образом, оппозиция «свой – чужой» в художественной картине мира В. Блаженного проявляется и как мифологическая, с декларацией прочной связи с одухотворённым природным миром, и как философская, с демонстрацией уважительно-любопытного подхода к миру «Других» (женщин, Бога) и стремлением его постичь.

1. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров. – СПб. : Азбука, 2000. – С. 3–226.

2. Исповедь: русскоязычная поэзия Беларуси (конец 20 – начало 21 века) : для ст. шк. возраста / сост. Т.Ф. Рослик. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2010. – 280 с.

3. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : «Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.

4. Фильде, В. Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре : дис. ... канд. философских наук : 09.00.13 / В. Г. Фильде. – Омск, 2015. – 152 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ